

Europe – Humanities and Social Science, 14-15 July, 2003. Sofia University, Bulgaria.

5. Плу́нгян В.А. Классификация элементарных глагольных значений, используемых в БД “Verbum” // Сайт Центра лингвистической документации [Электр. ресурс]. – Режим доступа: www.mcsme.ru [Дата обращения: 12 января 2004г.].

6. Васильев А.А. Семантика корейского административа // Вестник Центра корейского языка и культуры: Вып.5-6 /Под ред.А.Г.Васильева – СПб., 2003.- С.47-56.

7. Пак Джэён Хангуко янтхэ оми ёнгу (Исследования модальных окончаний в корейском языке), Докторская диссертация, Сеульский университет, 2004.- С.164-168.

Трубаева Е.И.

Белгородский институт экономики и права

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ КОНЦЕПТА И СИМВОЛА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Д. БРАУНА «КОД ДА ВИНЧИ» (Результаты эксперимента)

Текст как таковой и художественный текст, в частности, представляет собой чрезвычайно сложный объект исследования, отличающийся как многоплановостью его структурной, семантической и коммуникативной организации, так и разнообразием и многообразием его форм и типов. В последнее время чрезвычайно важной и актуальной проблемой современной лингвистики стал когнитивный подход к исследованию текста и дискурса. При изучении, как текста, так и дискурса, в принципе невозможно остаться в рамках чисто внутриязыковых координат. Неизбежен выход в экстралингвистические сферы и поиск когнитивных, культурных и социальных объяснений, причем последние два типа не могут влиять на текст иначе, чем через посредство когнитивной системы говорящего.

Роман Дэна Брауна «Код да Винчи» представляет уникальные возможности для изучения особенностей таких базовых когнитивных категорий как концепты, которые рассматриваются в текстовом пространстве с точки зрения репрезентаций семиотического кода, а также соотношений концептов и символов, стратегическая репрезентация которых зачастую обуславливает смену концептуальной парадигмы читателя.

Феномен романа Д. Брауна «Код да Винчи» состоит в том, что, касаясь самого сокровенного - религиозного дискурса, текст, таким образом, воздействует на читателя, что концептосфера читателя некоторым образом трансформируется в соответствии с содержанием концептов, на основании которых построена книга.

Отдельно следует остановиться на понятиях дискурса и концепта.

Под дискурсом мы понимаем коммуникативное пространство, включающее всю совокупность речевых актов определенной социокультурной группы на определенную тему. Дискурс, таким образом, конвенционален: стороны, участвующие в акте коммуникации, заранее знают о правилах коммуникации данной группы - что можно и чего нельзя сказать, они знают основные концепции группы, у них сформирована единая концептосфера. Члены группы верят в основные положения теории группы, разработанной авторитетными лицами. Эта теория дает целостное представление о действительности и функционирует как картина мира.

Когда нечто новое вклинивается в дискурс, оно проходит апробацию с точки зрения системы верований социально-культурной группы, разделяющей данный тип дискурса. Появляется новая книга - и общественность ее оценивает в соответствии с принятыми аксиологическими акцентами. Читателем проводится поиск соответствия смыслов текста книги с совокупностью интериоризированных им смыслов социокультурной группы, к которой он себя причисляет. Он накладывает их на уже готовую матрицу взаимосвязанных утверждений и - чаще всего - обнаруживает соответствие (хотя и неполное) смыслов. Таким образом, его картина мира дополняется, достраивается, расширяется, иначе - подтверждается.

Но если вдруг появляется текст, опровергающий сами основы дискурса читателя, возникает ситуация нарушения закона непротиворечия, гласящего, что два противоположных суждения не могут быть одновременно истинными. Читатель не может ассимилировать противоположные смыслы и оказывается перед выбором: либо, руководствуясь и сделав выбор доверия новым представленным ему доказательствам, он остановится на второй теории (второй картине мира), либо останется с первой как более для него убедительной.

Тексты, ниспровергающие другие теории, как правило, имеют большой резонанс среди социокультурной группы, особенно, если речь идет о коммуникации в пределах религиозного дискурса. Религиозный дискурс консервативен, регламентирован, он огражден системой всевозможных запретов и ограничений и не пропускает в себя ничего кардинально нового.

Книга «Код да Винчи», вклинившись в христианский религиозный дискурс, способствовала некоторому смысловому взрыву концептосферы дискурса.

Читатель, погруженный в особую дискурсивную среду христианского дискурса, встретился со схемой, имеющей отличный концептуальный код, то есть постулирующей другую действительность, так как концепты - «это объекты из мира «Идеальное», имеющие имя и отражающие определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность».

Остановимся на том, что мы рассматриваем под концептом и концептосферой в пределах дискурса.

Под концептом мы понимаем смысловой объем понятия, то есть «проверенный» опыт определенной социокультурной группы, касающийся данного понятия, зафиксированного в словаре. Концепт больше, шире понятия.

Например, если мы посмотрим в словаре слово «Бог», то прочитаем, что «Бог - это верховное, всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) - одно из таких существ». Это понятие, но не концепт. Концепт Бог в христианском дискурсе вмещает весь опыт отношения христианина к Богу, это будет не дефиниция, но описание явления. У Бога нет пределов, ибо он ничем не ограничен, Бог вечен, безначален, беспределен, всеправеден и всеведущ, един по существу и троичен в лицах Отца, Сына и Святого Духа. Между тем у каждого человека существует свой личный опыт познания Бога, следовательно, наполнение его концепта будет несколько отличаться от наполнения этого же концепта другими людьми. Сочетание концептов образует концептосферу.

Открывая книгу «Код да Винчи», читатель забывает о том, что перед ним роман, то есть вымысел, художественная литература. Какая же коммуникативная заданность лежит в тексте книги, какой код скрывает «Код да Винчи»? Почему весь христианский мир, почему священники на полном серьезе пытаются разбить утверждения, сделанные Робертом Лэнгдоном или сэром Тибингом - выдуманными лицами! - в романе? Особенно важным является вскрытие механизмов влияния книги на читателя, описание лингвистической стратегии, благодаря которой происходит трансформация базовых концептов.

Если новая информация, воспринимаемая человеком, дополняет его картину мира, имеет место психолингвистический феномен *узнавания* и *облегчения*. В противном случае он проходит следующие этапы: удивление (когнитивный кризис), верификацию, принятие/ непринятие, облегчение. Получается, что доказательства, приводимые в книге «Код да Винчи», настолько логичны, что с честью проходят стадии верификации и нередко убеждают читателя выбрать новую социокультурную парадигму! Почему так происходит?

Еще до прочтения книги название ее настраивает читателя на познание тайны, открытие секрета. Мы провели эксперимент: 180 ответов было получено на нейтральный вопрос: «Чем известен Леонардо да Винчи?», были опрошены студенты факультета РФФ БелГУ, Белгородского музыкального училища им. Дягтерева и студенты архитектурного, факультета БелГТУ. Как и ожидалось, ответы на вопрос в своем большинстве представляют собой развернутые ряды ассоциатов. Респондентам дается ограниченное время на ответ, и, находясь, таким образом, в экстремальной ситуации некоторого быстрого насилия над сознанием, они, кроме непосредственного ответа на вопрос - *художник, изобретатель, ученый* - бессознательно выдают ответы типа *Лувр, задумчивый человек, Возрождение*, и проч. Для нас значимо, что ответ *загадка, секрет, неизвестное* встречается в ответах 120 из 180 респондентов, то есть в 70% случаев, видя имя Леонардо да Винчи, коммуникант настраивается на существование некой тайны. Сему *тайна* усиливает лексема «код» (код - «правило, позволяющее соотносить (сопоставлять) с каждым передаваемым сообщением некоторую комбинацию различных сигналов»).¹ Таким образом, перед самым чтением книги у читателя имеется определенная коммуникативная

установка на познание тайны, чего-то неизвестного, а значит - элитарного знания. А получение нового знания ценно для каждого, поскольку оно расширяет концептосферу, наполняет и «уплотняет» концепты.

Читателю еще неизвестно, в чем состоит тайна - у Леонардо было много загадок. Книга открывается убийством в Лувре куратора Жака Сонбера. Когда он умирал, то нарисовал на своем теле определенные символы и оставил сеть заданий для преподавателя семиотики Роберта Лэнгдона и своей внучки Софи Неве. С этого момента в романе начинается процесс дешифровки символов - общение на особенном языке. Послание куратора адресовалось, прежде всего, своей внучке, но он, зная, что язык, а значит, символы существуют тогда, когда ими пользуются и знают, что они обозначают, командует ей найти Роберта Лэнгдона. Профессор как носитель элитарного знания языка символов поможет в раскрытии символического кода.

Читатель в редком случае обладает компетенцией Роберта Лэнгдона, и поэтому с самого начала находится в положении, похожем на то, в котором очутилась Софи. Вместе с ней он удивляется, проходит стадии верификации новой информации и, наконец, принимает ее, поскольку проще сделать подобный выбор вместе с кем-то, пусть даже с придуманным персонажем.

Исследование показало, что процесс верификации новой информации Софией Неве отражают несколько стадий. Первая включает 9 шагов-реакций недоверия, полуотрицания новой информации (из них пять удостоверяющих вопросительных конструкций - ("How do you know this?", "Da Vinci was in a secret society?", "You're telling me this group is a pagan goddess worship cult?", "A secret pagan cult?", "Once headed by Leonardo da Vinci?", "Could that explain—?", "You understand this?") и четыре оценивающих реакции негативного плана, обобщенных семой "stark disbelief". Вторая стадия, отделенная реакцией молчания, состоит из двадцати трех шагов, построенных по принципу усиления семы недоверия, из них 7 реакций сомнения (Sophie's expression remained uncertain, Sophie looked uncertain, Sophie already looked troubled, Sophie looked confused, Sophie looked uneasy, Sophie looked skeptical, unsure), 11 вопросов, имеющие характер поиска доказательства своих мыслей, утверждающих нечто противоположное заявлениям профессора Лэнгдона, 9 утверждений «не может быть» («it can't be»). Семантическое усиление в пределах семы «неправда» приходит к острой негативной реакции: "her eyes flashed disbelief".

Однако в главе 55 сюжетная линия обогащается появлением нового персонажа, несущего Софи новый текст. Показательна стратегия объяснения сэра Ли Тибинга, полностью убеждающая Софи Неве. Речь Тибинга построена на использовании декларативов - не требующих доказательства утверждений, вводных слов с модальным оттенком уверенности (actually, in fact, understandably, of course, nonetheless), противопоставлений, затрагивающих базисные концепты (educated Christian - Christian, true - false, man - woman), Сократического диалога, методик этимологического анализа слова и методики трактовки символа. По мере рассказа реакция Софи претерпевает изменения. Теперь она уже удивлена - surprised употреблено 5 раз - и, в конце концов,

достигает предела акта коммуникации - облегчения, что, однако, боле тонко подано в тексте: «Sophie wasn't sure whether to feel relieved or disappointed».

Были проведен еще один эксперимент, для которого отбирались студенты, не читавшие книги «Код да Винчи». Студенты очного и заочного отделений экономического факультета Белгородской сельскохозяйственной академии были разделены на две группы по восемьдесят человек. Одной группе был предложен к прочтению текст 47, 48 и 54 главы (объяснение Роберта Лэнгдона), другой - 55, 56 и 58 глав (объяснение Ли Тибинга), после чего был задан вопрос: «Как вы считаете, правдиво ли изложение теории Святого Грааля (На этот вопрос требовалось выбрать ответ из предложенных: да; скорее да, чем нет; скорее нет, чем да, нет) Обоснуйте свою точку зрения». В группе «А» 40 респондентов ответило «скорее нет, чем да», 22 - «нет», 11 - «скорее да, чем нет», и только 4 - «да» (3 - без ответа). Респонденты, ответившие отрицательно, в качестве обоснований своей позиции отмечают: «такого не может быть», «я в это не верю» (Прим. 37 реакций совпало с реакцией Софи Неве!), «это бездоказательно», «это художественная литература» и проч., положительно - «это интересно», «так оно и было», «я об этом читал», то есть субъективные, не привлекающие логических доказательств ответы. В группе «Б» (Тибинг) из 80 респондентов 58 (!) ответило «скорее да, чем нет», 15 - «нет» и 2 - «да» (6 - без ответа). Показательно, что в этой группе вообще не встретился ответ «скорее нет, чем да». В качестве обоснования своей позиции, ответившие утвердительно отмечали опору на исторические источники, научность текста, правильное объяснение слов. Интересна реакция «я давно об этом знаю», «я об этом раньше читал».

Важно, что респонденты второй группы отметили те особенности текста, которые именно в языковом плане воздействуют на читателя. Из них наибольшей силой воздействия обладает трактовка символов и анализ слова, поскольку читатели не говорят «на языке» символов и легко склонны верить псевдодоказательствам.

Символ есть способ сохранить информацию. Символ всегда вводится «для защиты» какого-либо концепта. Символ надежен, при помощи его информация остается в веках, но декодирование символа становится сложным для членов социально-культурной группы, которые не умеют одинаково хорошо интерпретировать символы. Способность толковать символы дает власть. От того, как истолковать символ, зависит само изменение концептосферы человека, которая, по-видимому, без серьезной основы веры или знания представляется гибким и легко изменяемым образованием (раз даже концепт Бог может претерпеть изменения!).

Таким образом, книга Дэна Брауна «Код да Винчи», являясь произведением о знаках, символах и их трактовке, делает возможным изучение соотношения концепта и символа, а также процессов декодирования символов в свете когнитивный лингвистики.